

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ/GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGYDOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.31> EDN: SEXVWU**МАСУД ХАН И СЛУЧАЙ ВИЛЬЯМА ГОДЛИ: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ**

Научная статья

Нешчадим Д.В.^{1,*}¹ORCID : 0000-0001-5575-1459;¹Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (d.neshchadim[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу биографического, клинического и институционального контекста психоаналитической практики Масуда Хана — одной из наиболее противоречивых фигур британского психоанализа XX века. Цель исследования заключается в рассмотрении интеллектуального пути Хана, его места в развитии британской психоаналитической традиции, а также в анализе случая Вильяма Годли как эпизода, оказавшего влияние на пересмотр профессионально-этических норм в психоаналитическом сообществе. Методологическую основу составляют биографический метод, историко-психологический анализ, интерпретация опубликованных источников и кейс-анализ. Особое внимание уделяется сочетанию клинической продуктивности Хана с выраженными личностными и профессиональными нарушениями, а также реакции психоаналитических институтов на эти нарушения. Показано, что фигура Хана позволяет рассматривать проблему взаимосвязи между индивидуальной психопатологией аналитика, терапевтической властью, институциональным отрицанием и механизмами групповой защиты. Делается вывод о том, что случай Масуда Хана имеет значение не только для истории психоанализа, но и для современного обсуждения границ психотерапевтической практики, профессиональной ответственности и способов критического осмысления наследия значимых клиницистов.

Ключевые слова: Масуд Хан, Дональд Винникотт, Вильям Годли, британский психоанализ, этические нарушения, перверсия, ложное я, кумулятивная травма, психоаналитическая сцена, конфликт личности и общества.

MASUD KHAN AND THE WYNNE GODLEY CASE: ON THE LIMITS OF PSYCHOANALYTIC PRACTICE AND PROFESSIONAL ETHICS

Research article

Neshchadim D.V.^{1,*}¹ORCID : 0000-0001-5575-1459;¹Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH", Novosibirsk, Russian Federation

* Corresponding author (d.neshchadim[at]mail.ru)

Abstract

The article examines the biographical, clinical and institutional context of Masud Khan's psychoanalytic practice — one of the most controversial figures in XX-century British psychoanalysis. The aim of the study is to look at Khan's intellectual journey, his place in the development of the British psychoanalytic tradition, and to analyse the case of Wynne Godley as an episode that influenced the re-evaluation of professional and ethical standards within the psychoanalytic community. The methodological framework comprises the biographical method, historical-psychological analysis, interpretation of published sources, and case analysis. Particular attention is paid to the combination of Khan's clinical productivity with pronounced personal and professional misconduct, as well as the reaction of psychoanalytic institutions to these violations. It is demonstrated that the figure of Khan allows to explore the problem of the interrelationship between the analyst's individual psychopathology, therapeutic power, institutional denial and group defence mechanisms. It is concluded that the case of Masud Khan is significant not only for the history of psychoanalysis, but also for the modern discussion of the boundaries of psychotherapeutic practice, professional responsibility, and ways of critically reflecting on the legacy of significant clinicians.

Keywords: Masud Khan, Donald Winnicott, Wynne Godley, British psychoanalysis, ethical violations, perversion, false self, cumulative trauma, the psychoanalytic setting, the conflict between the individual and society.

Введение

«Есть ряд знаменитостей, включая известных ученых, на которых и биографы, и читатели биографий любят проецировать свои собственные чувства, жизненные вопросы и их решения. В результате такого биографического творчества эти знаменитости превращаются в героев (или антигероев) повествования, удовлетворяющих скорее потребностям их авторов, чем критериям исторического исследования. Так произошло и с создателем глубинной психологии К. Г. Юнгом. Многие авторы книг, написанных на разных языках мира, обещали показать публике «настоящего Юнга», но в результате в книгах было больше сказано об авторах, чем о Юнге» [3, С. 148].

Мохамед Масуд Раза Хан (1924–1989) занимает особое место в истории британского психоанализа. Его деятельность связана не только с теоретическими и клиническими дискуссиями середины XX века, но и с

драматическими эпизодами, оказавшими влияние на развитие психоаналитической мысли и на пересмотр профессионально-этических норм в Великобритании. Его имя до сих пор вызывает напряжение, поскольку с ним сопряжены одновременно значительные теоретические достижения, яркий клинический талант и серьезные обвинения в нарушении аналитической рамки.

Цель данной статьи — рассмотреть биографический и интеллектуальный путь М. Хана, уделив внимание культурному и личностному контексту его становления, а также осветить один из наиболее драматических и значимых эпизодов в истории британского психоанализа — случай Вильяма Годли, приведший к пересмотру этических норм в системе психоаналитической подготовки [11], [15]. Научная новизна исследования состоит в попытке связать биографический материал, клиническую проблематику и институциональную динамику в едином историко-психологическом рассмотрении. Практическая значимость работы определяется возможностью использовать случай М. Хана для более глубокого осмысления границ аналитической техники, роли институционального сопротивления и механизмов профессионального отрицания.

В качестве дополнительной интерпретационной рамки материал о М. Хане может быть рассмотрен через три взаимосвязанные метафоры — любовь, кровь и риторику. Эти категории, отсылающие к культурному контексту драматургии Т. Стоппарда («Розенкранц и Гильденстерн мертвы») [2, С. 32–33], позволяют подчеркнуть театральность психоаналитической сцены и одновременно выявить ключевые измерения аналитического опыта. Любовь в данном случае соотносится с феноменом переноса и эмоциональной вовлеченности, кровь — с трагическими и деструктивными последствиями аналитического процесса, риторика — с силой интерпретации и словесного воздействия аналитика. Использование этих образов позволяет дополнительно осмыслить практику Хана как пространство пересечения внутренних сцен пациента, аналитика и профессионального сообщества, где возможность психической трансформации нередко соседствует с риском драматического исхода.

Вместе с тем фигура М. Хана плохо поддается однозначной оценке. В его случае перед исследователем встает сложный вопрос: как писать о человеке, который был одновременно выдающимся клиницистом, талантливым редактором, тонким теоретиком и носителем тяжелых личностных нарушений, разрушительно проявлявшихся в профессиональной практике? Именно поэтому история М. Хана представляет интерес не только как биография отдельного аналитика, но и как симптоматический эпизод истории психоаналитического сообщества в целом.

Методы и принципы исследования

Методологическую основу исследования составляют биографический метод, историко-психологический анализ, анализ научных публикаций и биографических источников, а также кейс-анализ случая Вильяма Годли. Работа опирается на междисциплинарный подход, сочетающий историю психоанализа, клиническую интерпретацию и анализ институциональной динамики профессионального сообщества.

В качестве основного материала использованы биографические исследования, посвященные жизни и творчеству Масуда Хана, публикации самого М. Хана, мемуарные и журналистские материалы, а также статьи, написанные психоаналитиками и исследователями, пытавшимися осмыслить так называемое «дело Годли–Хана». При интерпретации материала особое внимание уделялось тому, каким образом индивидуальная психическая организация аналитика может входить во взаимодействие с групповой жизнью профессионального сообщества и как это взаимодействие влияет на оценку клинического и теоретического наследия.

Биографический и профессиональный контекст деятельности Масуда Хана

Не все люди удостоиваются биографии после своей смерти. Как правило, биографии пишут о тех, кто в чем-то оказался исключительным: о неоспоримых гениях, о злодеях, а порой и о тех, кому удалось очаровать и ввести в заблуждение целые поколения современников. Кем был М. Хан на самом деле — гением, разрушителем или фигурой, в которой величие и катастрофа переплелись в один трудноразделимый узел? Ответить на этот вопрос однозначно сложно именно в силу противоречивости его личности и судьбы. Однако уже сам факт появления после его смерти трех полноценных биографических исследований свидетельствует о масштабе этой фигуры.

Первая биография была написана Дж. Купер, его бывшей анализандкой, вскоре после смерти Хана. Вероятно, это наиболее идеализированное из биографических сочинений о нем, несмотря на показательное название книги — *Speak of Me as I Am* [14], [30]. Две другие биографии были созданы независимыми исследователями, пытавшимися составить более взвешенную картину личности Хана. Вторая биография принадлежит Р. Уиллоуби — *Masud Khan: The Myth and the Reality* [28], [36], третья — Л. Хопкинс, автору книги *False Self: The Life of Masud Khan* [21], [29]. Последняя работа была удостоена литературной премии и переиздавалась в 2008 и 2022 годах, что указывает на устойчивый интерес к личности Хана и к тем вопросам, которые его жизнь продолжает ставить перед психоаналитическим сообществом.

Все три автора, несмотря на различие интонации и степени сочувствия, подчеркивают непростой и внутренне противоречивый характер М. Хана. Освещая его детство и юность, биографы позволяют увидеть те линии, которые затем будут вновь и вновь проявляться в его взрослой жизни: происхождение из сложной иерархической среды, сочетание нарциссической уязвимости и грандиозности, опыт травматической семейной динамики, раннее столкновение с властью, соблазнами и унижением. Этот материал сам по себе не объясняет последующую судьбу Хана, но задает важный фон, на котором можно лучше понять драму его личной и профессиональной биографии.

Л. Хопкинс особенно подробно показывает, как тема ложного Я оказывается связана не только с винникоттовской теорией, но и с самой судьбой Хана. В этом смысле биография и теория начинают опасно сближаться. Возникает впечатление, что Хан не только усваивал психоаналитические концепции, но и сам становился их воплощенной иллюстрацией — при всей рискованности подобного утверждения. Его отличали высокая интеллектуальная одаренность, чувствительность, литературный талант, редакторское чутье и одновременно выраженная нарциссическая организация, разрушительно проявлявшаяся в отношениях с другими.

Особого внимания заслуживает его собственный аналитический путь. Тренинговый психоанализ, который проходил М. Хан, как будто обещал возможность изменить внутренний баланс его влечений и укрепить структуру личности. Однако этот путь сам по себе оказался отмечен драмой. Первыми аналитиками Хана были Э. Шарп и Дж. Рикман; оба анализа были прерваны из-за смерти аналитиков, причем смерть Рикмана произошла буквально во время сеанса. Третьим аналитиком стал Д. В. Винникотт, с которым анализ продолжался около пятнадцати лет. Уже один этот факт делает их связь исключительной и заставляет рассматривать ее не только как клинический, но и как судьбоносный человеческий союз.

Ряд исследователей обращался к анализу особенностей тренингового анализа и профессионального становления М. Хана в Британском психоаналитическом обществе. Так, Д. Голдман называл его «эпатажным принцем», подчеркивая, что именно благодаря Винникотту Хану удалось на время удерживать своих внутренних демонов под контролем, но во многом именно из-за характера этих отношений ему не удалось с ними справиться после смерти своего психоаналитического «отца» [16]. В ранних работах Хана действительно чувствуется сильная вовлеченность в судьбу пациентов, внимание к тонким клиническим нюансам, способность терпеливо сопровождать тяжелые процессы. Биографы также отмечают, что А. Фрейд была очарована талантом молодого аналитика и считала, что он особенно хорошо понимал труды ее отца. Многие авторы подчеркивают высокий литературный стиль Хана, глубину его психоаналитических идей, а также его исключительные редакторские способности [13], [21].

В истории психоанализа за М. Ханом закрепились такие темы, как ложное Я, кумулятивная травма, особое понимание перверсии и шизоидных состояний. Иначе говоря, перед нами не просто скандальная фигура, а аналитик, действительно оставивший заметный след в развитии клинической мысли. Именно это и делает проблему его наследия столь трудной: отделить ценность открытий от разрушительности личности в данном случае почти невозможно.

3.1. Случай Вильяма Годли и кризис профессиональной этики

Переломным моментом в судьбе М. Хана стала его работа с известным английским экономистом В. Годли, впоследствии прославившимся рядом точных макроэкономических прогнозов. Биография Годли, написанная А. Шипманом, показывает, что в его собственном детстве и юности также присутствовали травматические мотивы, в чем-то перекликающиеся с историей самого Хана [35]. Он происходил из аристократической семьи, имел опыт раннего соблазнения и отвержения со стороны матери-актрисы, переживал давление со стороны деструктивного отца и оказался отмечен рядом других травматических событий. По свидетельствам исследователей, В. Годли обладал высокой интеллектуальной продуктивностью и выраженной внутренней конфликтностью; некоторые авторы описывают его как человека с тяжелой, но сравнительно лучше социально адаптированной организацией личности, чем у самого Хана [11], [15], [34].

Психоаналитическое взаимодействие Хана и Годли продолжалось около семи лет. В своих поздних воспоминаниях Годли описывает его как глубоко деструктивный опыт. Уже с первой встречи, по словам Годли, Хан нарушал целый ряд базовых этических норм аналитической работы: вторгался в личное пространство пациента, задавал бестактные вопросы, нарушал конфиденциальность, позволял себе оскорбительные высказывания, а затем демонстративно подвозил пациента на дорогом автомобиле, хвастался положением, богатством и предстоящим браком со знаменитой балериной. С первых же эпизодов анализа проступал мотив нарциссического триумфа аналитика над будущим пациентом.

Случай В. Годли оказался важен не только сам по себе. Именно он в значительной степени открыл «ящик Пандоры», сделав видимым то, что нарушения М. Хана не были единичными. По свидетельствам, опубликованным позже, речь шла о систематических отступлениях от аналитической рамки и серьезных злоупотреблениях: сексуальных связях с пациентами, физической агрессии, вторжении в частную жизнь, появлении на сессиях в состоянии алкогольного опьянения, унижительных комментариях о других пациентах и коллегах, а также о ряде иных действий, несовместимых с профессиональной ролью аналитика [15].

Наиболее тяжелым эпизодом в деле Годли стало вторжение М. Хана в дом пациента и изнасилование его беременной супруги. После этого в ситуацию непосредственно вмешался Д. В. Винникотт и запретил Хану продолжать анализ. Однако, как отмечал сам Годли, реакция психоаналитического сообщества на случившееся была поразительно сдержанной. Хану запретили брать новых пациентов, но при этом сохранили за ним право проводить тренинговый анализ кандидатов. Уже этот факт показывает масштаб институционального отрицания и нежелания профессиональной группы до конца признать разрушительный характер происходящего.

После смерти Винникотта в 1971 году Хан, по-видимому, окончательно теряет внутреннюю и внешнюю опору. В его жизни начинается период все более выраженного распада: разрушаются дружеские и профессиональные связи, усиливается алкоголизация, множатся конфликты, возрастает скандальная известность внутри Общества. В 1976 году у него диагностируют рак легких, а к 1987 году болезнь приобретает тяжелый характер: ему удаляют гортань и часть трахеи, развивается агорафобия, и он почти перестает выходить из квартиры.

Дополнительное обострение конфликта происходит после публикации в 1988 году его последней книги *When Spring Comes: Awakenings in Clinical Psychoanalysis* [25], изданной в США под названием *The Long Wait and Other Psychoanalytic Narratives* [26]. Британское психоаналитическое общество решает заочно исключить Хана. Формальным поводом становятся антисемитские высказывания в адрес одного из пациентов. Однако даже в этой ситуации Хан успевает опередить Общество и формально выходит из него сам. Позже появляются сведения о его анонимных угрозах президенту Общества. Лишь его скоростная смерть положила конец этим атакам. При этом сам скандал не получил полноценной огласки и на долгие годы оказался вытеснен из официальной памяти британского психоанализа.

Обсуждение: личность аналитика, институт и возвращение вытесненного

Позднее В. Годли признавался, что разрушительное влияние М. Хана в конечном счете было «устранено руками умелого, терпеливого и самоотверженного американского аналитика» [11]. Ряд исследователей высказывали предположение, что анализ Хана, каким бы разрушительным он ни был, все же сыграл сложную роль в психической судьбе Годли. В частности, допускалось, что через проективную идентификацию и различные формы отыгрывания Годли сумел вынести в реальность те аспекты внутреннего конфликта, которые ранее оставались недоступны символизации [4], [7], [16]. Эта мысль, сколь бы она ни была клинически интересна, не отменяет этической катастрофы и не может служить ее оправданием. Скорее она показывает, насколько трудно бывает отделить разрушение от трансформации там, где аналитическая рамка уже распалась.

В 2001 году, в возрасте 75 лет, Годли публикует в *London Review of Books* статью «Saving Masud Khan» [15], где подробно рассказывает о личности своего первого аналитика и о допущенных им нарушениях. Позднее в интервью Р. С. Бойтону он поясняет это название через идею спасения: Хан постоянно говорил пациентам, что именно он «спас их жизни», и они верили в это. Здесь возникает глубокий мотив, переключающийся с винникоттовской темой ребенка, пытающегося спасти мать, — мотив, в котором благодарность, зависимость, вина и невозможность выйти из разрушительной связи оказываются тесно переплетены.

Возможно, предварительное исследование Л. Хопкинс, опубликованное в 1998 году [18], стало одним из факторов, подтолкнувших Годли нарушить многолетнее молчание. Именно его статья активировала в британском Обществе процесс возвращения вытесненного и запустила внутреннее расследование. В ходе этого расследования был установлен факт уничтожения документов, связанных с сертификацией М. Хана, а его личный архив оказался заморожен до 2039 года. Подробный отчет А.-М. Сандлер, опубликованный в 2004 году, описывал как сами нарушения Хана, так и институциональную реакцию на них [34]. Был создан Комитет по этике, но сама по себе эта организационная мера не разрешила более глубокий конфликт — конфликт между потребностью группы в самосохранении и необходимостью признать собственную слепоту.

После 2001 года появляется целая серия публикаций, посвященных «делу Годли–Хана» [4], [6], [7], [13], [16], а также [17], [19], [20], [21], [31]. Интересно, что по мере накопления этих текстов меняется и тон обсуждения. Если ранние реакции были направлены прежде всего на разоблачение М. Хана, то затем фокус постепенно смещается в сторону критики самого Общества, а позже — в сторону фигуры Д. В. Винникотта, его метода «удержания» и тех теоретических и технических предпосылок, которые могли способствовать аналитическому попустительству. Еще позднее проблематизация доходит до тренинговых аналитиков Винникотта, а иногда и до более широкого вопроса о «белых пятнах» уже на уровне Международной психоаналитической ассоциации.

В этом контексте фигура М. Хана начинает менять смысл: сначала он предстает как агрессор, затем как жертва собственной психопатологии и, наконец, как симптом большой психоаналитической группы. Пользуясь языком Ч. Бреннера, можно сказать, что Хан становится компромиссным образованием нарциссической патологии сообщества в целом [9]. Здесь полезно вспомнить идеи У. Биона и М. Нитсуна. Бюн описывал базовые допущения как примитивные формы группового сопротивления [1], [8], тогда как Нитсун ввел концепт антигруппы — теневой силы, направленной на разрушение самой групповой связи [32], [33]. В обоих случаях рациональная слепота к индивидуальному и групповому сопротивлению может приводить к расколу, распаду и длительному отрицанию.

В более поздних работах, посвященных личности М. Хана, все отчетливее звучит мысль о том, что обсуждать его жизнь и труды необходимо без повторного вытеснения, не пытаясь «выплеснуть вместе с водой и ребенка». Так, С. Ахтар пишет о Хане как о важной фигуре идентификации для психоаналитика индийского происхождения, хотя последующее личное знакомство с уже тяжело больным Ханом привело его к разочарованию и утрате прежней идеализации [5], [10]. Тем не менее Ахтар сохраняет к нему определенную теплоту, как к фигуре, позволившей идентифицироваться не только с грандиозностью, но и с деструктивностью — как с материалом, неизбежным в становлении любого аналитика.

С. Дж. Коэн, в свою очередь, аргументированно выступает за необходимость реабилитации не личности Хана в моральном смысле, а самого права читать его труды и учиться на них [13]. Он подчеркивает, что психоаналитикам особенно трудно открыто говорить о собственной психопатологии, неудачах личного анализа и провалах в клинической работе, поскольку групповое давление побуждает вытеснять и отрицать теневые части профессионального Я [12]. В этом отношении труды Хана о шизоидных состояниях, перверсиях, кумулятивной травме и ложном Я сохраняют свое значение, даже если сама его жизнь остается предостережением [22], [23], [24]. Возможно, именно поэтому случаи М. Хана и ему подобных так важны для тренингового анализа и супервизии: они заставляют прикоснуться к собственным уязвимым, расщепленным и потенциально разрушительным частям Я, не пряча их за профессиональной идеализацией.

Заключение

Психоаналитическое сообщество, по-видимому, до сих пор не вполне готово открыто и последовательно обсуждать М. Хана и его наследие, предпочитая временами вновь подавить, вытеснить или символически вычеркнуть его имя из собственного пантеона. Однако именно это делает его случай особенно важным. История М. Хана показывает, насколько тесно в психоанализе переплетены личность аналитика, его клинический дар, его неанализированная психопатология и институт, который то поддерживает, то не замечает, то поздно пытается ограничить разрушительный процесс.

Особое значение в этом контексте приобретает судьба архива Хана. В предисловии к третьему изданию *False Self* Л. Хопкинс пишет, что личный архив М. Хана, находившийся под опекой МПА и ранее замороженный до 2039 года, был уничтожен в 2019 году [21]. Этот архив включал дневниковые записи Хана за 1967–1980 годы. Уничтожение архива вызвало серьезное возмущение, однако было оправдано ссылкой на волю законного владельца и на

существование копий в США. В то же время известно, что сам Хан при жизни заранее создавал копии своих записей и пересылал их одному из близких друзей — американскому психоаналитику Р. Столлеру и его супруге. Именно к этим материалам получила доступ Л. Хопкинс, а позднее совместно с коллегами смогла подготовить к публикации первый том *Diary of a Fallen Psychoanalyst: The Work Books of Masud Khan* [27].

Этот факт выглядит почти символически. С одной стороны, перед нами попытка архивации и сохранения расщепленного субъекта; с другой — очередной эпизод борьбы за память, в котором уничтожение и сохранение идут рука об руку. В этом смысле история М. Хана — это не только история отдельного аналитика, но и история о том, как профессиональные сообщества обращаются со своими травмами, своими симптомами и своими мертвыми.

Последний труд Хана — *When Spring Comes* [25], [26] — также остается загадкой: в нем он создает двусмысленную клиническую реальность, где трудно отделить документ от вымысла, наблюдение от инсценировки. Возможно, эта неразличимость и есть одна из последних форм его авторского высказывания. Будущим поколениям исследователей психоанализа еще предстоит решать, как читать это наследие — не идеализируя, не демонизируя и не уничтожая его повторно.

Благодарности

Материал данной статьи был впервые представлен в качестве устного секционного доклада на Первой межрегиональной конференции Юга России Евразийской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии «Экология психоанализа» г. Сочи 20–21 апреля 2024 года. Автор выражает благодарность коллегам за ценные вопросы и замечания, а также помощь в редакции материала статьи.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Acknowledgement

The content of this article was first presented as an oral section report at the First Interregional Conference of Southern Russia organised by the Eurasian Confederation of Psychoanalytic Psychotherapy, 'The Ecology of Psychoanalysis', held in Sochi on 20–21 April 2024. The author expresses sincere gratitude to their colleagues for valuable questions and comments, as well as for their assistance in editing the paper.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Лоуренс Г.В. Пять базовых допущений / Г.В. Лоуренс, А. Бэйн, Л.Д. Голд // Журнал клинического и прикладного психоанализа. — 2000. — 1(2). — С. 101–127.
2. Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы: Пьесы / Т. Стоппард. — Москва : Инностранка, 2006. — 704 с.
3. Шамдасани С. Юнг, которого разоблачают даже его биографы / С. Шамдасани // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2005. — 2(3). — С. 148–150.
4. Akhtar S. Four roadblocks in approaching Masud Khan / S. Akhtar // Psychoanalytic Quarterly. — 2007. — 76. — P. 991–995.
5. Akhtar S. Where is India in my psychoanalytic work? / S. Akhtar // Psychoanalytic Review. — 2015. — 102(6). — P. 873–911.
6. Bahn G.H. Understanding of holding environment through the trajectory of Donald Woods Winnicott / G.H. Bahn // Journal of the Korean Academy of Child and Adolescent Psychiatry. — 2022. — 33(4). — P. 84–90.
7. Bauduin A. La perversion narcissique de l'analyste et ses théories / A. Bauduin, P. Denis // Revue française de psychanalyse. — 2003. — 67(3). — P. 1006–1014.
8. Bion W.R. Experiences in groups / W.R. Bion. — London : Tavistock Publications, 1961. — 188 p.
9. Brenner C. An elementary textbook of psychoanalysis / C. Brenner. — New York : International Universities Press, 1973. — 181 p.
10. Borossa J. The migration of psychoanalysis and the psychoanalyst as migrant / J. Borossa // Oxford Literary Review. — 1997. — 19. — P. 79–104.
11. Boynton R.S. The return of the repressed: psychoanalysis's fallen angel / R.S. Boynton // Boston Review. — 2003. — URL: <https://www.bostonreview.net/articles/robert-s-boynton-return-repressed/> (accessed: 16.03.26)
12. Coen S.J. Why we need to write openly about our clinical cases. / S.J. Coen // Journal American Psychoanalytic Association. — 2000. — 48(2). — P. 449–470.
13. Coen S.J. Masud Khan today: Have his writings fallen with him? / S.J. Coen // Journal American Psychoanalytic Association. — 2010. — 58(5). — P. 1005–1020.
- 14.
15. Godley W. Saving Masud Khan / W. Godley // London Review of Books. — 2001. — 23(4). — P. 3–7.
16. Goldman D. The outrageous prince: Winnicott's uncure of Masud Khan / D. Goldman // British Journal of Psychotherapy. — 2003. — 19(4). — P. 483–501.
17. Hamilton J.W. D.W. Winnicott and Masud R. Khan: A tragic misalliance / J.W. Hamilton // Psychoanalytic Review. — 2008. — 95(6). — P. 1017–1034.

18. Hopkins L.B. D.W. Winnicott's Analysis of Masud Khan / L.B. Hopkins // *Contemporary Psychoanalysis*. — 1998. — 34(1). — P. 5–47.
19. Hopkins L.B. Masud Khan's application of Winnicott's "play" techniques to analytic consultation and treatment of adults / L.B. Hopkins // *Contemporary Psychoanalysis*. — 2000. — 36. — P. 639–663.
20. Hopkins L.B. How Masud Khan fell into psychoanalysis / L.B. Hopkins // *American Imago*. — 2005. — 61(4). — P. 483–494. — DOI: 10.1353/aim.2005.0003.
21. Hopkins L.B. False self: The life of Masud Khan / L.B. Hopkins. — London : Karnac Books, 2022. — 368 p.
22. Khan M.M.R. The privacy of the self / M.M.R. Khan. — London : Hogarth Press, 1974. — 232 p.
23. Khan M.M.R. Alienation in perversions / M.M.R. Khan. — London : Hogarth Press, 1979. — 245 p.
24. Khan M.M.R. Hidden selves: Between theory and practice in psychoanalysis / M.M.R. Khan. — London : Hogarth Press, 1983. — 248 p.
25. Khan M.M.R. When spring comes / M.M.R. Khan. — London : Chatto & Windus, 1988. — 276 p.
- 26.
27. Khan M.M.R. Diary of a fallen psychoanalyst: The work books of Masud Khan / M.M.R. Khan. — London : Karnac Books, 2022. — 352 p.
28. Kurmar M. Review of Masud Khan: The myth and the reality, by Roger Willoughby / M. Kurmar // *Psychoanalytic Quarterly*. — 2007. — 76. — P. 997–1008.
29. Levine H.B. Review of false self: The life of Masud Khan, by Linda Hopkins / H.B. Levine // *Psychoanalytic Quarterly*. — 2007. — 86. — P. 1009–1018.
30. Levine H.B. Book review Speak of me as I am — The life and work of Masud Khan / H.B. Levine // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. — 1994. — 42. — P. 1286–1290. — DOI: 10.1177/000306519404200419.
31. McCarhy J.B. Disillusionment and devaluation in Winnicott's analysis of Masud Khan / J.B. McCarhy // *The American Journal of Psychoanalysis*. — 2003. — 63(1). — P. 81–92. — DOI: 10.1023/A:1022310722457.
32. Natsun M. The anti-Group / M. Natsun. — London : Routledge, 2014. — 336 p.
33. Nitsun M. Beyond the anti-Group: Survival and transformation builds on the success / M. Nitsun. — New York : Routledge, 2015. — 264 p.
34. Sandler A.-M. Institutional responses to boundary violations: The case of Masud Khan / A.-M. Sandler // *The International Journal of Psychoanalysis*. — 2004. — 85. — P. 27–44.
35. Shipman A. Wynne Godley: A biography / A. Shipman. — London : Palgrave Macmillan, 2019. — 463 p.
36. Willoughby R. Masud Khan: The myth and the reality / R. Willoughby. — London : Free Association Books, 2005. — 256 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lourens G.V. Pyat' bazovy'x dopushhenij [The fifth basic assumption] / G.V. Lourens, A. Be'jn, L.D. Gold // *Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*. — 2000. — 1(2). — P. 101–127. [in Russian]
2. Stoppard T. Rozenkrants i Gildenstern mertvi: Pesj [Rosencrantz and Guildenstern Are Dead: Plays] / T. Stoppard. — Moscow : Inostranka, 2006. — 704 p. [in Russian]
3. Shamdasani S. Yung, kotorogo razoblachayut dazhe ego biografy' [Jung stripped bare by his biographers] / S. Shamdasani // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. — 2005. — 2(3). — P. 148–150. [in Russian]
4. Akhtar S. Four roadblocks in approaching Masud Khan / S. Akhtar // *Psychoanalytic Quarterly*. — 2007. — 76. — P. 991–995.
5. Akhtar S. Where is India in my psychoanalytic work? / S. Akhtar // *Psychoanalytic Review*. — 2015. — 102(6). — P. 873–911.
6. Bahn G.H. Understanding of holding environment through the trajectory of Donald Woods Winnicott / G.H. Bahn // *Journal of the Korean Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. — 2022. — 33(4). — P. 84–90.
7. Bauduin A. La perversion narcissique de l'analyste et ses théories [Narcissistic perversion of the analyst and its theoretical implications] / A. Bauduin, P. Denis // *Revue française de psychanalyse [French Journal of Psychoanalysis]*. — 2003. — 67(3). — P. 1006–1014. [in French]
8. Bion W.R. Experiences in groups / W.R. Bion. — London : Tavistock Publications, 1961. — 188 p.
9. Brenner C. An elementary textbook of psychoanalysis / C. Brenner. — New York : International Universities Press, 1973. — 181 p.
10. Borossa J. The migration of psychoanalysis and the psychoanalyst as migrant / J. Borossa // *Oxford Literary Review*. — 1997. — 19. — P. 79–104.
11. Boynton R.S. The return of the repressed: psychoanalysis's fallen angel / R.S. Boynton // *Boston Review*. — 2003. — URL: <https://www.bostonreview.net/articles/robert-s-boynton-return-repressed/> (accessed: 16.03.26)
12. Coen S.J. Why we need to write openly about our clinical cases. / S.J. Coen // *Journal American Psychoanalytic Association*. — 2000. — 48(2). — P. 449–470.
13. Coen S.J. Masud Khan today: Have his writings fallen with him? / S.J. Coen // *Journal American Psychoanalytic Association*. — 2010. — 58(5). — P. 1005–1020.
- 14.
15. Godley W. Saving Masud Khan / W. Godley // *London Review of Books*. — 2001. — 23(4). — P. 3–7.
16. Goldman D. The outrageous prince: Winnicott's uncure of Masud Khan / D. Goldman // *British Journal of Psychotherapy*. — 2003. — 19(4). — P. 483–501.

17. Hamilton J.W. D.W. Winnicott and Masud R. Khan: A tragic misalliance / J.W. Hamilton // *Psychoanalytic Review*. — 2008. — 95(6). — P. 1017–1034.
18. Hopkins L.B. D.W. Winnicott's Analysis of Masud Khan / L.B. Hopkins // *Contemporary Psychoanalysis*. — 1998. — 34(1). — P. 5–47.
19. Hopkins L.B. Masud Khan's application of Winnicott's "play" techniques to analytic consultation and treatment of adults / L.B. Hopkins // *Contemporary Psychoanalysis*. — 2000. — 36. — P. 639–663.
20. Hopkins L.B. How Masud Khan fell into psychoanalysis / L.B. Hopkins // *American Imago*. — 2005. — 61(4). — P. 483–494. — DOI: 10.1353/aim.2005.0003.
21. Hopkins L.B. False self: The life of Masud Khan / L.B. Hopkins. — London : Karnac Books, 2022. — 368 p.
22. Khan M.M.R. The privacy of the self / M.M.R. Khan. — London : Hogarth Press, 1974. — 232 p.
23. Khan M.M.R. Alienation in perversions / M.M.R. Khan. — London : Hogarth Press, 1979. — 245 p.
24. Khan M.M.R. Hidden selves: Between theory and practice in psychoanalysis / M.M.R. Khan. — London : Hogarth Press, 1983. — 248 p.
25. Khan M.M.R. When spring comes / M.M.R. Khan. — London : Chatto & Windus, 1988. — 276 p.
- 26.
27. Khan M.M.R. Diary of a fallen psychoanalyst: The work books of Masud Khan / M.M.R. Khan. — London : Karnac Books, 2022. — 352 p.
28. Kurmar M. Review of Masud Khan: The myth and the reality, by Roger Willoughby / M. Kurmar // *Psychoanalytic Quarterly*. — 2007. — 76. — P. 997–1008.
29. Levine H.B. Review of false self: The life of Masud Khan, by Linda Hopkins / H.B. Levine // *Psychoanalytic Quarterly*. — 2007. — 86. — P. 1009–1018.
30. Levine H.B. Book review Speak of me as I am — The life and work of Masud Khan / H.B. Levine // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. — 1994. — 42. — P. 1286–1290. — DOI: 10.1177/000306519404200419.
31. McCarhy J.B. Disillusionment and devaluation in Winnicott's analysis of Masud Khan / J.B. McCarhy // *The American Journal of Psychoanalysis*. — 2003. — 63(1). — P. 81–92. — DOI: 10.1023/A:1022310722457.
32. Natsun M. The anti-Group / M. Natsun. — London : Routledge, 2014. — 336 p.
33. Nitsun M. Beyond the anti-Group: Survival and transformation builds on the success / M. Nitsun. — New York : Routledge, 2015. — 264 p.
34. Sandler A.-M. Institutional responses to boundary violations: The case of Masud Khan / A.-M. Sandler // *The International Journal of Psychoanalysis*. — 2004. — 85. — P. 27–44.
35. Shipman A. Wynne Godley: A biography / A. Shipman. — London : Palgrave Macmillan, 2019. — 463 p.
36. Willoughby R. Masud Khan: The myth and the reality / R. Willoughby. — London : Free Association Books, 2005. — 256 p.